Приход и община в современном православии : корневая система российской религиозности / Под редакцией А. Агаджаняна, К. Русселе. М.: Весь мир, 2011. — 368 с.

Сборник статей, написанных участниками российско-французского проекта «Двадцать лет трансформации: религиозные и социальные практики русских православных приходов», представляет собой вполне удавшуюся попытку взвешенного и научного анализа одной из главных составляющих современной религиозной жизни России — российского православия, точнее форм его локального существования в рамках его первичных форм — общин, прежде всего приходских. Задача, поставленная перед авторами, состояла в «многоаспектном анализе различных форм современной православной социальности», поэтому, согласно замыслу составителей, во всех статьях в той или иной степени затрагиваются несколько сквозных тем: «соотношение приходов и общин (совпадающих или не совпадающих с приходами), попытка типологизации этих объединений; состав прихожан и клира, их взаимоотношения; типы религиозного авторитета (включая авторитет приходского священника, духовника и старца); роли священников и мирян внутри приходов и общин; основные богослужебные практики (на литургии и вне ее); соотношение коллективных и индивидуальных практик в церковной субкультуре; процессы формирования приходской (общинной) идентичности; взаимосвязи между общинами и окружающим обществом» (с. 13). Первая глава сборника посвящена «Исторической перспективе»; автор (Александр Агаджанян) вводит читателя в проблематику изучения и восприятия прихода и приходской жизни на протяжении последних ста лет. Автор выявляет те узловые проблемы, которые связывают начало XX века с началом XXI – го. Таковыми, по его мнению, являются автономность / зависимость церковных институтов по отношению к государству; роль мирян в церкви; степень самостоятельности приходского духовенства от священноначалия; переосмысление прихода в плане интенсивности внутриприходской солидарности, в плане структурного

напряжения между понятиями «приход» и «община»: «насыщение» чисто административно-территориального понятия социальным и мистическим содержанием через совместное участие в религиозных практиках и общинной жизни. Все остальные главы представляют собой *case studies* разного рода. В разделе «Логика и динамика восстановления приходской жизни» представлены примеры приходской жизни в приходах, восстановленных в разных российских регионах в 1990-е годы. Ксения Сергазина, проводившая исследование в северо-восточном Подмосковье, предлагает типологию современных православных приходов, обращая внимание, прежде всего, на то, что «составляет центр прихода», цементирует его: это может быть «святыня» (например, чудотворная икона), харизматический лидер или сплоченная в силу более длительного существования община (например, в сохранившемся, а не возрожденном приходе). Интересные наблюдения относительно особенностей приходской жизни в Шацке, «самом православном городе Рязанской области», делает в своей главе Ольга Сибирева: несмотря на то, что большинство прихожан являются неофитами, не имевшими опыта религиозной жизни в советское время, их религиозность во многом основана на идеях, сложившихся в тот период: «акцент на аскетизме, необходимость духовного окормления у старцев, стремление к изоляции от внешнего мира» (с. 78). В этом же разделе помещена довольно тенденциозная статья Романа Лункина «Приходы и монастыри Русской православной церкви: скрытая сила российского общества». В начале статьи автор задается вопросом: «способна ли Церковь изменить общество и его сознание, сделать его более социально ориентированным и демократичным?» и в итоге дает на него безоговорочно положительный ответ. Более того, «общество и Церковь взаимно влияют друг на друга — РПЦ демократизируется по мере вовлечения в социальную жизнь» (с. 139). Однако, как мне кажется, вывод автора чересчур оптимистичен. С одной стороны, религиозные институты, несмотря на присущий им консерватизм, действительно способны меняться, и изменения эти могут быть, среди прочего, вызваны процессами, происходящими в обществе. И все-таки,

как правило, говорить о «демократических» тенденциях в традиционных религиях и тем более рассматривать их как главных агентов формирования гражданского общества представляется сильным преувеличением. В качестве положительного примера Р. Лункин приводит деятельность прихода о. Дмитрия Смирнова, известного своей «социальной и просветительской деятельностью». И, кроме того, он, по мнению автора, «открыто реагирует на современные тенденции в православии и некоторые нововведения современной культуры». Однако довольно странно характеризовать деятельность прихода лишь с точки зрения его внутренней организации и его социальной активности, даже и весьма эффективной, не принимая во внимание его идеологии (жестко консервативной в данном конкретном случае); только оценив последнюю, мы можем делать выводы и давать оценки. Впрочем, в академическом труде лучше от таких прямых оценок воздерживаться. Один из самых интересных текстов книги — глава Жанны Корминой «Режимы православной социальности в современной России: прихожане, паломники, сетевики». Исследовательнице из Петербурга удается найти убедительное объяснение существенному разрыву между количеством людей, декларирующих свою православность, и количеством глубоко воцерковленных, ведущих регулярную приходскую жизнь. Автор утверждает, что «приход или община является лишь одним из существщих в современном православии „религиозных режимов“» (с. 191). В статье рассматриваются три режима православной социальности, предполагающие разную степень и способы вовлеченности в религиозную жизнь: «регулярное православие», «сетевое православие» и «нерегулярное (рекреационное) православие», — и, соответственно, три типа православных, которые сталкиваются и сосуществуют вокруг могилы известного старца на острове Залита в Псковской области. В статье «Реформа и возрождение в двух московских православных субкультурах: два способа сделать православие современным» Александр Агаджанян анализирует Преображенское содружество малых православных братств и приход Свв. Космы и Дамиана в Шубине. Эти московские религиозные объединения, имеющие репутацию «интеллигентских» и «либеральных», заметно выделяются на фоне других,

причем им присущи некие общие ключевые характеристики: «христоцентризм», ориентация на «непосредственное общение с текстом [Священного Писания], глубокая катехизация, важная роль проповеди, ярко выраженная „коллективная идентичность“ и т. п. В целом, замечает автор, «обе церковные субкультуры, похоже, вышли из одной и той же комбинации религиозных и культурных традиций, сходного круга духовных потребностей и обращались к сходной городской среде» (с. 263). Однако в дальнейшем эти группы сильно разошлись: Содружество было ориентировано на радикальные и последовательные реформы, что привело к конфликту со священноначалием, гонениям и, как следствие (а отчасти как естественное развитие изначальных идей), к складыванию общины более жестко спаянной, более закрытой и однородной. Приход Космы и Дамиана, также переживший трудные времена в 1990-е годы, «был вынужден несколько изменить позиции, искать компромисс; возможно ценой такого компромисса было некоторое смещение в сторону более традиционного, хотя и не консервативного, приходского стиля» (с. 267). Несмотря на то, что обе группы могут быть отнесены к модернистскому крылу Церкви, различия принципиальны: «модернизм Содружества состоит в инновационной программе в рамках Традиции <…>, которая (программа) осуществляется как унифицированная и обязательная. В случае с космодамианским приходом мы тоже можем говорить о „модернизме“, но в ином смысле — как синониме разнообразия и гибкости, открытости по отношению к современной городской культуре». (с. 275) В заключительном разделе книги «Грамматика церковно-приходской культуры» авторами обсуждаются ценностные установки, стержневые принципы, конструирующие жизнь приходов. Так, французская исследовательница Кати Русселе в своей главе «Об отношениях между священниками и мирянами: послушание и благословение» исследует интерпретации понятий (и стоящих за ними практик) «послушание» и «благословение», их роль в жизни прихожан и даже устройстве прихода. Эти два понятия являются ключевыми для характеристики системы церковного авторитета, всего типа отношений внутри Церкви. Автор приходит к выводу, что эти практики можно отнести к формам социальных

связей, которые Лоран Тевено назвал «грамматикой общего через близкое»: «давая благословение и налагая послушание, священник позволяет человеку стать частью общины, сообщества, будь то храм, приход или вся Церковь, которые суть те общие места, о которых говорит Тевено» (с. 314). Эти установки, доминирующие в Церкви, можно противопоставить опыту «либеральной грамматики», предполагающей «согласование взаимных уступок». Не буду специально останавливаться на других главах книги. Стоит лишь кратко упомянуть интересный анализ Борисом Кнорре психологических типов внутри церковной субкультуры; парадоксальный вывод Ивана Забаева о господствующем в русском православии «сакральном индивидуализме»; необычный случай самоорганизации приходской общины в Тюмени в отсутствии священника в тексте Романа Поплавского и другие главы. В целом, книга представляет собой одну из первых попыток изучения современного русского православия не на уровне официальных документов и заявлений руководства РПЦ, а на «корневом» уровне, уровне общин и приходов, и такой подход погружает нас в реальные процессы, протекающие в Церкви. Остается только сожалеть, что вполне академическое, но слишком уж нейтральное название сборника вряд ли способно привлечь потенциально заинтересованных читателей.

Л. Жукова